

ПРИРОДА В ИЗОБРАЖЕНИИ ТУРГЕНЕВА И ЧЕХОВА

Елена Петухова
Россия, Санкт-Петербург
pen9@yandex.ru

Аннотация. Сопоставление тургеневских и чеховских пейзажей выявляет как их сходство, так и коренные различия. В основе того и другого лежат авторское восприятие природы, понимание роли образов природы в литературе и взаимоотношения природного мира и человека, характерные для эпохи. Чехов, наследуя органически близкие ему тургеневские лиризм и поэтичность пейзажей, развил и существенно преобразовал традицию предшественника. Тревога за судьбу природного мира, которому угрожает развитие цивилизации, разрушающей бывшие гармоничные отношения человека и окружающей среды, выразилась в новых принципах создания пейзажей. Нравственным мерилom оценки человека во многих чеховских произведениях становится его отношение к природе.

Ключевые слова: Чехов, Тургенев, традиция, природа, цивилизация, пейзаж, персонаж.

NATURE IN THE IMAGE OF TURGENEV AND CHEKHOV

Elena Petukhova
Russia, Saint-Petersburg
pen9@yandex.ru

Abstract. Comparison of Turgenev's and Chekhov's landscapes reveals both their similarities and fundamental differences. Both are based on the author's perception of nature, an understanding of the role of images of nature in literature and the relationship between the natural world and man, characteristic of the era. Chekhov, inheriting organically close to him Turgenev's lyricism and poetry of landscapes, developed and significantly transformed the tradition of his predecessor. Anxiety for the fate of the natural world, which is threatened by the development of a civilization that destroys the former harmonious relationship between man and the environment, expressed itself in new principles for creating landscapes. The moral criterion for evaluating a person in many of Chekhov's works is his attitude to nature.

Keywords: Chekhov, Turgenev, tradition, nature, civilization, landscape, character.

Современники Чехова и позднейшие исследователи неоднократно указывали на тургеневские черты в его прозе: на сходство ряда тем, типов, на сюжетные переключки, особенно - на лирическую интонацию в описаниях природы. Действительно, генетическая связь тургеневской прозы с чеховской очевидна, причем очевидна и полемика с Тургеневым. Чехова, как известно, раздражали частые сравнения с Тургеневым, но многочисленные упоминания о нем в письмах, произведениях, высказываниях свидетельствуют о «непокойном» интересе

Чехова к предшественнику классику, об ощущении литературного родства с ним. Чехов не хотел быть преемником - как верно замечено, предшественники, в частности, Тургенев, «для него не классики, но соревнователи» [Берковский 1962: 419].

Насколько Тургенев остро чувствовал свое время, его атмосферу, настолько Чехов – свою эпоху, заметно отличавшуюся от эпохи тургеневских романов, он понимал, что литературе «нужно что-то другое» [П V, 175], и он хотел быть другим. Если тургеневское время по отношению человека к природе было ближе пушкинскому, и помещичий быт, несмотря на происходившее разорение, запустение дворянских гнезд, во многих чертах еще оставался патриархальным, то при Чехове жизнь и окружающая среда изменились: помещиков сменили дачники, в быт вошли телеграф и телефон, в столицах появились первые автомобили, активно развивалась и модернизировалась промышленность – и отношение к природе изменилось, она стала объектом цивилизации, который используют, стремятся подчинить. Именно отношение человека к природе и шире – взаимоотношения человека и природного мира лежат в основе изображения природы в литературе.

Общепризнано, что тургеневские пейзажи отличают лиризм, поэтичность, часто романтичность, чеховские пейзажи также отмечены лиризмом и поэтичностью, романтические же черты им чужды. Чехов любил и тонко чувствовал природу, об этом свидетельствуют не только его произведения, но и письма, редкие из которых не включали замечания о природе и погоде. Лиризм в описаниях природы ему присущ органически, поэтому преемственность тургеневской традиции неизбежна и несомненна, она сказалась и в точности наблюдений, во внимании к деталям, в соответствии состояния природы настроению человека, но Чехов осознанно стремился преодолеть эту традицию, полемизировал с ней. Неслучайно в рассказе «У знакомых» (1898г.) о герое говорится, что «эта поэзия отжила для него... Отжили и свидания в лунные ночи, и белые фигуры с тонкими талиями, и таинственные тени, и башни, и усадьбы» [С XIX, 22]. Тем не менее, похожие тургеневские черты проявляются в описаниях Чехова, а в «Доме с мезонином» можно заметить отсылки к Тургеневу, к его «Дворянскому гнезду». Так, пейзаж, который видит чеховский художник по дороге к усадьбе Волчаниновых, избыточно подробен для Чехова и элегичен «в тургеневском вкусе»: «Солнце уже пряталось. И на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную, красивую аллею <...>. Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука. Сильно, до духоты пахло хвоей. Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени <...> На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в дет-

стве» [С X, 175], - ощущение очень знакомого вполне могло быть вызвано литературной памятью. Далее у белых ворот усадьбы он видит девушек, описанных вполне по-тургеневски: тонкие, стройные, бледные, серьезные. Лаврецкого перед свиданием с Лизой охватывает подобное элегическое настроение, когда он проходит в сад, который «весь зарос бурьяном, лопухами, крыжовником и малиной; но в нем было много тени, много старых лип <...>. «Обаянье летней ночи охватило его; все вокруг казалось так неожиданно странно и в то же время так давно и так сладко знакомо». «Ночь, безмолвная, ласковая ночь лежала на холмах и долинах; издали, из ее благовоной глубины, бог знает откуда – с неба ли, с земли, - тянуло тихим и мягким теплом» [Тургенев: VI, 213].

Пейзажи в «Степи» Чехова явно переключаются с тургеневскими в «Записках охотника», и не только лиризмом, но также эстетической самооценностью. В «Бежином луге»: «Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах – запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума... Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснет большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали» [Тургенев: V, 97]; у Чехова в «Степи» часто встречаются пейзажи, проникнутые сходным лирическим чувством автора и описанные развернутыми предложениями: «А когда восходит луна, ночь становится бледной и томной. Мглы как ни бывало. Воздух прозрачен, свеж и тепел, всюду хорошо видно и даже можно различить у дороги отдельные стебли бурьяна.<...> Широкие тени ходят по равнине, как облака по небу, а в непонятной дали, если долго всматриваться в нее, высятся и громоздятся друг на друга туманные, причудливые образы... Немножко жутко. А взглянешь на бледно-зеленое, усыпанное звездами небо, на котором ни облачка, ни пятна, и поймешь, почему теплый воздух недвижим, почему природа настоуже и боится шевельнуться: ей жутко и жаль утратить хоть одно мгновение жизни. О необъятной глубине и безграничности неба можно судить только на море да в степи ночью, когда светит луна. Оно страшно, красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова» [С VII, 46.] Однако и на этом примере легко обнаружить различия между пейзажами: у Чехова встречаются лишаящие романтического налета прозаизмы в описаниях, язык которых, в целом, ближе к современному нам. В приведенных отрывках пейзажи предстают в восприятии авторов и передают их настроение. Для Тургенева типичен именно взгляд автора-наблюдателя, который в соответствующих контекстах гармонизирует пейзаж и чувства персонажа. У Чехова нелегко отделить впечатления автора-повествователя от впечатлений персонажа, пейзажи прежде всего созвучны настроению персонажа и, более того, пропущены через его восприятие, чего не было у Тургенева.

Например, в «Степи» в знаменитом описании начинающейся грозы голоса повествователя и Егорушки почти неразличимы, достаточно сложная для ребенка ассоциация сменяется его вполне конкретным звуковым впечатлением: «...налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная фосфорическая полоска и потухла. Понеслось, как где-то очень далеко кто-то прошёл по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо» [С VII, 84]. В приведенном выше чеховском описании ночи очевидно одушевление природы, характерное для писателя, «леса, сады и деревья у Чехова — меньше всего декорация, на фоне которой развиваются сюжеты и длится жизнь персонажей...» [Громов 1993: 91], часто они уподоблены живым существам. Антропоморфизм образов природы — отличительная черта чеховского повествования: облака, «точно мать с дитятею, бежали друг за дружкой в ту сторону, где догорала вечерняя заря» [С VII, 129], «облако спряталось, загорелые холмы намурились, воздух покорно застыл и одни только встревоженные чибисы где-то плакали и жаловались на судьбу...», «степь легко вздыхает широкой грудью» [С VII, 31, 45].

Существенно, что тургеневские герои чувствуют себя в природной среде естественно, им не надо бороться за природу и тем более с природой, мир усадеб в этом отношении гармоничен. Мир чеховских персонажей городской, на природу они приезжают не жить, а отдыхать. У Чехова множество героев-дачников, обитатели же разоренных помещичьих имений и персонажи, оказавшиеся в природной среде по необходимости (например, в «Огнях», в «Дуэли»), по своему укладу жизни, поведению и отношению к природе тоже дачники, которые ею «пользуются», часто любят. Мария Константиновна в «Дуэли», глядя вокруг, восклицает: «Очаровательно! <...> посмотрите, как хорошо!» — и далее говорит: «Опишите этот вид!» — «Да, в самом деле хорошо, — согласился Лаевский, которому понравился вид и почему-то, когда он посмотрел на небо и потом на синий дымок, выходящий из трубы духана, вдруг стало грустно. — Да, хорошо...» [С XI, 386]. Характерно, что чеховские герои в природе не укоренены, поэтому пейзажи они обсуждают, природа становится темой разговора. «Донецкая дорога. Невеселая станция, одиноко белеющая в степи, тихая, со стенами, горячими от зноя, без одной тени и, похоже, без людей <...> перед вами мало-помалу открываются картины, каких нет под Москвой, громадные, бесконечные, очаровательные своим однообразием» [С IX, 313], — это взгляд человека со стороны, которого «нескончаемая равнина, однообразная, без одной живой души» скоро начинает пугать, как героиню, «и минутами было ясно, что это спокойное зеленое чудовище поглощает ее жизнь» [С IX, 316].

Важная особенность чеховского видения, резко отличающая писателя от большинства современных ему собратьев по перу, — осознание угрозы, исходящей природе от цивилизации. Можно смело утверждать, что Чехов одним из первых среди писателей заявил об экологи-

ческой проблеме. Тонкий исследователь творчества Чехова А.П. Чудаков отметил прозорливость Чехова уже в его относительно раннем рассказе «Свирель», герой которого, пастух, сетует на истребление зверей, птиц и лесов: «И рубят их, и горят они, и сохнут, а новое не растет. Что и вырастет, то сейчас его рубят; сегодня взошло, а завтра, гляди, и срубили люди — так без конца краю, покуда ничего не останется» [С V, 324]. Чехов, как известно, был прогрессистом, то есть, положительно относился к техническим новинкам и вообще к достижениям цивилизации (одним из первых установил на своей ялтинской даче телефон, квартиры в Москве предпочитал с лифтом), при всем том он уловил новое, хищническое отношение к природе и остро переживал, когда видел наносимый ей ущерб. Отсюда двойственность пейзажей, ярко проявившаяся в рубежной повести «Степь». Естественный пейзаж, который залит солнцем, контрастирует с «индустриальным» пейзажем, отмеченным соответствующими цветами: черным и зловещим красным: на выезде из города находились кирпичные заводы, и мальчик видит, что «густой, черный дым большими клубами шел из-под длинных камышовых крыш <...> Небо над заводом и кладбищем было смутло, и большие тени от клубов дыма ползли по полю через дорогу. В дыму около крыш двигались люди и лошади, покрытые красной пылью...» [С VII, 15]. Человек становится жертвой своей же деятельности: через несколько дней Егорушка встретит в степи мужика с распухшей челюстью, который работает на спичечной фабрике, где «воздух нездоровый», и еще у троих «челюсть раздуло, а у одного там совсем сгнила» [С VII, 58]. В рассказе «В овраге» представлена еще более удручающая картина: в селе находятся три фабрики, из-за них «всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой <...> вода в речке становилась вонючей» [С VII, 44]. В рассказе «Крыжовник» в пейзаж поля с рекой и зелеными ивами вторгаются телеграфные столбы и ползущий вдали поезд, нарушающие идиллическую картину. Естественная природная среда испорчена человеком: вода в реке недалеко от имения «цветом как кофе, потому что по одну сторону имения кирпичный завод, а по другую – костопальный», «везде канавы, заборы, изгороди...» [С III, 60]. Существование в такой среде отражается на психологическом состоянии человека, искажает его ценностные ориентиры, поэтому «в чеховской картине мира звучит мотив противостояния природы и человека» [Селемнева 2010: 25]. О победе над природой говорит, например, профессор в «Скучной истории»: «Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука - самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя» [С VI, 263]. Осознанием собственной несостоятельности, которое мучит героя в конце жизненного пути, Чехов наделяет своего персонажа в числе прочего и потому, что Иван Степанович руководствовался во многом ложными представлениями о себе, о науке, о природе. Саркастически Чехов пишет о тех, кто свысока

смотрит на природный мир как нечто ему хорошо известное и подвластное: «На природу глядит он с сознанием своего превосходства над ней, и во взгляде у него что-то хозяйское, повелительное и даже презрительное, точно, сидя у себя там в оранжерее или копаясь в саду, он узнал про растительное царство что-то такое, чего не знает никто. Было бы напрасно толковать ему, что природа величественна, грозна и полна чудесных чар, перед которыми должен склонить свою шею гордый человек. Ему кажется, что он знает всё, все тайны, чары и чудеса, а прекрасная весна для него такая же рабыня, как та узкогрудая, исхудалая женщина, которая сидит в пристройке около оранжереи и кормит постными щами его детей» [С VII, 53].

Органичное, целостное восприятие природы, присущее тургеневскому герою, сменяется утилитарным, но одновременно ностальгическим отношением, отмеченным тоской по уходящему. Отношение человека к природе становится у Чехова мерилom его нравственной оценки. Лаевский перед дуэлью признается себе в своих пороках, в нравственной ущербности, выразившейся и в равнодушии к природе, в том, что он «за всю свою жизнь не посадил ни одного деревца и не вырастил ни одной травки» [С XI, 436-437]. Чехов «был первым в литературе, кто включил в сферу этики отношение человека к природе» [Чудаков 1971: 271]. Его герои вглядываются в природу, она становится самостоятельной ценностью, отсюда их особое отношение к саду – рукотворной природе. У Чехова сад становится и уголком спасенной красоты, и знаком культуры. Его персонажи не просто любят сад, они находят в нем отклик своим переживаниям, воспоминаниям, сад наделяется символическими смыслами (так в «Черном монахе», в «Доме с мезонином» и других рассказах, конечно, в пьесах).

Дикая природа предстает у Чехова фактором, во многом формировавшим национальный менталитет. «В рассуждениях Астрова о русском человеке, характер которого формируется в зависимости от природного мира, важна мысль о том, что изменение ландшафта влечет за собой изменение характера» [Ищук-Фадеева 2011: 236]. Пьеса «Дядя Ваня» стала высшим выражением чеховской тревоги за судьбу дикой природы: «Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи...» [С XII, 72-73]. То, что в прозе звучит постоянным мотивом, подводящим к пониманию ответственности человека перед природным миром, в пьесе высказано прямо и страстно. Астров являет собой пример редкого у Чехова активного героя, который выполняет миссию: он спасает лес – «когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я» [С XII, 73]. В образе посаженного дерева, выращенного сада Чехов видел пример реального труда на земле, спасительного и для природы, и для челове-

ка, в своей жизни он явил этот пример и в Мелихове, и в Ялте, создав прекрасный сад - «вечную весну» на безводной, каменистой почве.

Наследуя во многом тургеневскую традицию, Чехов существенно преобразовал ее, развил соответственно новой эпохе - он обрел свою колею. Его обостренное чувство общего неблагополучия жизни выразилось, в числе прочего, в тревоге за судьбу природного мира в условиях развития цивилизации. Насколько дальновидным оказался Чехов в своей озабоченности, свидетельствует современная катастрофическая экологическая ситуация.

Литература

- Берковский Н.Я. Чехов, повествователь и драматург // Берковский Н.Я. Статьи о литературе. М., Л., 1962.
- Громов М. П. Чехов. М., 1993. - 106 с.
- Ищук-Фадеева Н. И. Лес и сад в драматургическом ландшафте Чехова // Чеховиана: Чехов: взгляд из XXI века. М., 2011. С. 232-246.
- Селемнева О. А. Природа и человек у А. П. Чехова // Русская речь. 2010. №5. С. 24-26.
- Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.-Л., 1960-1968.

Петухова Елена Николаевна - кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Elena Petukhova - Ph. D. in Philology, professor, Department of Russian language and literature of the Saint-Petersburg State Economic University

Dane kontaktowe / Contact details:

Elena Petukhova

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
191023 Россия, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21.*